НИЛ НЕВЕРОВ

ЛИШНИЙ ЭТАЖ

КНИГА ВТОРАЯ

ТРИЛОГИЯ «СТЁРТЫЕ АДРЕСА»

Нил Неверов

Лишний этаж

«Автор»
2026

Неверов Н.

Лишний этаж / Н. Неверов — «Автор», 2026

Инженер Ася Ветрова обследует девятиэтажный дом на Северной и обнаруживает тепло там, где по документам нет жилых помещений. За стенами скрываются комнаты без номеров, чужие имена и следы истории затопленной Рудной Луки. Проверка конструкции превращается в расследование, в котором за каждым несоответствием стоят живые люди. Вторая книга трилогии «Стёртые адреса».

© Неверов Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ 6
ПРОЛОГ. Тишина над девятым 7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТЕПЛО ПОД КРЫШЕЙ 8
Глава 1. Избыточное тепло 8
Глава 2. Несчастный случай 12
Глава 3. Комната без номера 14
Глава 4. Девочка с другой фамилией 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Нил Неверов
Лишний этаж

НИЛ НЕВЕРОВ
ЛИШНИЙ ЭТАЖ
Книга вторая трилогии «Стёртые адреса»
Мистический детектив · Психологический триллер
Тем, кто жил по адресу, которого не было.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. Тишина над девятым 5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТЕПЛО ПОД КРЫШЕЙ 8
Глава 1. Избыточное тепло 8
Глава 2. Несчастный случай 17
Глава 3. Комната без номера 22
Глава 4. Девочка с другой фамилией 28
Глава 5. Ключ от крыши 34
Глава 6. Зачем нужны невидимые 40
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КЛЕТКА С ВИДОМ НА РЕКУ 45
Глава 7. Тень на стене 45
Глава 8. Люди из списка 52
Глава 9. Дверь, которая исчезла 60
Глава 10. Цена ключа 62
Глава 11. Голос из труб 67
Глава 12. Дело Шахова 70
Глава 13. Что лежало в мешке 76
Глава 14. Плата за молчание 78
Глава 15. Сорванная пломба 85
Глава 16. Письмо из Рудной Луки 89
Глава 17. Пропавший свидетель 94
Глава 18. Одна ступень ниже 96
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОГДА ОТКРЫВАЮТ ДВЕРЬ 100
Глава 19. Право выйти 100
Глава 20. Второе имя 104
Глава 21. Неподписанный лист 108
Глава 22. Ловушка для наблюдателя 112
Глава 23. Не возвращайтесь наверх 114
Глава 24. Девять и один 118
Глава 25. Последняя проверка 121
Глава 26. Свет после закрытия 123
Глава 27. Комната 103 126
ЭПИЛОГ. ДВЕНАДЦАТАЯ КВАРТИРА 127

Дом не обязан хранить тайну. Для этого достаточно людей, которые в нём живут.

ПРОЛОГ. Тишина над девятым

Нижний Новгород. Февраль 2029 года.

Тимур Шахов пришёл на Северную, 14, поздним вечером. Ракитин назначил ему встречу после обхода дома. Тимуру требовалась не подпись и не согласование. Он хотел увидеть женщину, чей голос услышал за стальной дверью технического этажа.

На девятой площадке пахло хлоркой и подгоревшим луком. Лифт остановился внизу; кабина мигала за матовым стеклом. Тимур достал лазерный дальномер, ещё раз измерил высоту марша и поднял голову. По плану здесь должна была заканчиваться лестница. Над ним — плита покрытия и холодный чердак. На деле ступени продолжались за стеной, которую кто-то недавно выкрасил в цвет старой штукатурки.

Он провёл ногтем по стыку. Краска отслоилась, обнажив тонкую вертикальную щель.

— У вас глаза хорошие, — раздалось сзади.

На лестнице стоял Павел Ракитин — невысокий пожилой мужчина в пальто без единой снежинки. Он держал складную папку, будто только что вышел с совещания.

— Я акт ещё не закончил, — ответил Тимур.

— И не закончите, пока не посмотрим документы вместе.

— Вчера вы сказали, что там пусто.

— Так и есть.

За стеной звякнула посуда. Потом кто-то коротко кашлянул. Тимур повернул голову. Ракитин не двинулся.

— Вы слышали? — спросил Шахов.

— Соседи. Вентканал общий.

— За стеной лестница. Я проверил по размерам. И отопление через неё идёт.

Ракитин посмотрел на дальномер в его руке.

— Мальчик, вы ещё не знаете, сколько чужих жизней можно разрушить одной правильной цифрой.

Тимур убрал прибор в сумку.

— Тогда расскажите, кто там живёт. Я не собираюсь поднимать шум ради шума.

— Пойдёмте. Здесь не место.

Они спустились на полпролёта. Ракитин открыл старую кладовую, где пахло пылью и смазкой, и задержался у двери, отвечая на звонок. Тимур вошёл первым. На полу стояло ведро свежей краски, рядом тянулись стёртые следы обуви, а на подоконнике лежал лист с его фамилией.

— Вы что, за мной следите?

Ракитин убрал телефон, вошёл и закрыл дверь.

Металлический стук остался за закрытой дверью. Утром по полу кладовой тянулись следы свежей воды, а сорванная петля лежала под верстаком.

К 06:35 Шахова нашли у внутреннего края крыши. Тело лежало возле парапета, а рядом — смещённый страховочный трос, словно инженер оступился во время осмотра. У подъездной камеры сохранилась запись, как Тимур входит в дом накануне в 22:05. В кармане нашли записку: «Комната 103. Спросить, как её зовут». В первом сообщении о происшествии указали несчастный случай, хотя никто не мог объяснить, почему осмотр проходил ночью и без напарника.

В тот же день в квартире под крышей пожилая женщина накрыла стол на троих, хотя проживала одна. Третью чашку она поставила у двери. Вечером чай в ней остыл нетронутым.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТЕПЛО ПОД КРЫШЕЙ

Глава 1. Избыточное тепло

В тот день Лиза не попросила мать отвезти её в школу. Она сама вызвала такси, хотя школа была в двадцати минутах ходьбы, и оставила чек на кухонном столе рядом с недопитым чаем. Ася нашла чек уже после их ссоры. Четыреста восемьдесят рублей — цена нежелания разговаривать.

Накануне Лиза пришла с родительского собрания, на которое вместо Аси ходил отец, и принесла рисунок: дом, накренившийся над узкой улицей. Под ним было написано: «Обследовать несущую способность». Учительница сказала, что девочка точно знает, кем хочет стать. Лиза на это ничего не ответила. А дома бросила лист на подоконник.

— Что случилось? — спросила Ася.

— Ничего. Папа сказал, что у тебя опять срочный дом.

— У меня объект, Лиз.

— У тебя все объекты срочные. Только я нет.

Ася хотела сказать про срок договора, про оплату квартиры, про деньги на ортодонта. Вовремя остановилась. Дочь не просила отчёта о семейном бюджете. Она просила, чтобы мать однажды приехала вовремя. Утром на кухне остался не только чек, но и рисунок. Ася сложила его вдвое и положила в папку с чертежами.

В офисе заказчика её встретил человек с выражением лица, которое бывает у посредников между конфликтующими сторонами. Он поставил на стол чай в пакетике и протянул договор.

— Ветрова, задача простая. Проверить чердак, дефекты ограждений и теплопотери. Не надо переписывать историю дома.

— Зачем тогда вы дали мне архивные планы?

— Чтобы вы понимали конструкцию.

— В них нет раздела о переделке кровли.

— Тем более. Не ищите того, чего нет.

Она взяла договор, но не подписала дополнительный лист о неразглашении всех сведений, полученных при осмотре. Формулировка включала даже сообщения об угрозе жизни. Посредник сказал, что это стандартный бланк. Ася ответила, что стандартность не делает условие разумным, перечеркнула спорный пункт и попросила оформить протокол разногласий. Он посмотрел на часы.

— Из-за одного абзаца теряем час.

— Час вы потеряли, когда дали мне этот абзац.

На Северную она ехала уже злая. Не из-за посредника — из-за дома, о котором ещё ничего не знала. Договор явно составили так, чтобы специалист оставался специалистом только до первой неудобной находки.

У подъезда стояли двое мужчин, споривших над коробкой кабель-канала. Один хотел провести линию по фасаду, другой уверял, что можно спрятать её в старой шахте. Когда Ася спросила, для кого линия, оба одновременно назвали разные квартиры. Она не стала вмешиваться, только сфотографировала коробку и дату на накладной. Накладная оказалась сегодняшней, а поставщик — тем же, который по документам пять лет назад «полностью демонтировал» всё оборудование над девятым этажом. Противоречие ещё не доказывало преступления. Но оно заставило её проверить, кто вообще подписывал акты.

Управдом с улицы назвал дом «обычной панелькой». На самом деле он был кирпичным, с нестандартными узлами чердачного перекрытия и неожиданно высокими парапетами. Этот промах можно было простить человеку, отвечавшему за расчёты, но не тому, кто уверял, что знает историю здания наизусть. Ася отметила это в блокноте коротко: «Слова по памяти. Проверять по конструкции». И направилась к подъезду.

Прежде чем войти, Ася вернулась к машине за приборами. На пассажирском сиденье лежали чертежи, в голове — длинный список дел, которые не имели отношения к дому № 14. Она отправила дочери сообщение: «Буду вечером. Суп — в холодильнике, не изобретай новый».

Девятиэтажка выглядела так, как выглядят все здания, которым слишком долго обещали капитальный ремонт. Облицовка отваливалась возле водостока, лоджии были остеклены кто во что горазд, а над входом висела табличка с названием управляющей компании, успевшей смениться трижды.

Тепловизор показал полосу тепла выше потолка девятого этажа. Не точку возле вентиляционной шахты, не отдельный прогрев. Непрерывный прямоугольник с чётким верхним краем.

— Чердак кто-то утеплил? — спросила она техника дома.

— Там голуби и мусор, — ответил тот. — Раньше ещё антенны были.

— Голуби у вас с отоплением?

Техник засмеялся, потом увидел её лицо и перестал. Его звали Захар. Он работал здесь меньше года и уверял, что ключа от чердака ему никто не выдавал.

На девятом этаже Ася достала рулетку. Высоты не сходились с проектом на метр семьдесят. Через тонкую стену шёл стояк отопления. В её планшете высветилась старая отметка: «Помещение 103, над девятым». Файл прислала Лада Воронцова, с которой Ася разговаривала неделю назад. Лада нашла адрес в материалах о затопленной деревне Рудная Лука и посоветовала не ходить на технический уровень одной.

Пока Захар искал ключи, Ася раскрыла на подоконнике старый поэтажный план. На нём были аккуратные прямоугольники квартир, лестничная клетка и машинное помещение лифта. Лист пах подвальной сыростью. В углу стояла печать организации, которой не существовало уже двадцать лет.

— Вы уверены, что это последний комплект? — спросила она техника.

— Мне выдали папку. Сказали: всё, что осталось.

— А журналы ремонта? Паспорта отопления? Акты скрытых работ?

Захар коротко рассмеялся.

— Вы их видели? Потому что я — нет.

За дверью девяносто второй квартиры щёлкнул замок. Вышла женщина в пуховом платке, посмотрела на прибор и сказала, что под крышей опять жарят котлеты. Захар смутился.

— Мария Петровна, вы опять...

— А что «опять»? У меня в ванной потолок тёплый, а у них там, значит, голуби. Умные голуби: к Новому году музыку включали.

Ася попросила женщину показать потолок. В ванной обнаружилась тёмная полоска вдоль стыка плит. Тепловизор реагировал на неё иначе, чем на остальное перекрытие: тепло поступало сверху, будто над квартирой проходил дополнительный контур. Котлеты, разумеется, были не доказательством. Но линия отопления стала предметной задачей.

Из соседней квартиры раздался кашель. Старая женщина у двери перестала улыбаться. Потом тихо сказала:

— Если найдёте там людей, не говорите Павлу Ивановичу, что я вас пустила.

Ася не спросила почему. Слишком быстро хозяйка закрыла дверь и слишком внимательно Захар посмотрел на лестницу. Он предложил спуститься за инструментами и на этот раз ключи нашёл без труда. Но к дверце технического шкафа они не подошли: пломба была

новая, а на бирке стояла вчерашняя дата. Ася сфотографировала её вместе с общим видом коридора, затем убрала прибор в чемодан. Кто-то наблюдал за этой площадкой не менее внимательно, чем она.

Её телефон завибрировал. Лиза прислала фотографию школьного задания — нужно было описать дом, в котором хочется жить. Внизу дочь приписала: «Только не пиши за меня, как в прошлый раз». Ася убрала телефон, не отвечая. В этот момент дверь в стене едва заметно дрогнула — будто с другой стороны кто-то прислонился к ней плечом.

Совет Лады не ходить наверх одной показался Асе излишним до тех пор, пока за покрашенной стеной не раздался детский смех. Захар отступил. Ася положила ладонь на холодную поверхность.

— Кто там?

Шорох. Затем старческий женский голос:

— Не называйте нас по фамилиям.

* * *

Вчерашний снег не успел растаять, когда Ася снова приехала к дому. На этот раз она не стала подниматься к загадочной двери. Взяла лазерный дальномер, фотоаппарат и масштабную рейку и вышла во двор, откуда был виден весь фасад. Её интересовала не тайна десятого этажа, а грубая арифметика: высота цоколя, отметки перекрытий, расстояние от карниза до венчающего парапета. Нельзя расследовать невозможное, пока не измерил возможное.

Первый этаж получился ниже остальных из-за поздней подсыпки грунта. Над девятым возвышался высокий технический пояс, скрытый архитектурным карнизом. Внутри него могло находиться помещение в рост человека — при условии, что часть крыши была переустроена. На типовом доме это выглядело бы нелепостью. На Северной, где строили по переходному проекту и достраивали после сдачи, вполне возможно.

Ася установила штатив. Из подъезда вышел мальчик с ранцем и остановился посмотреть на прибор.

— Вы дом фотографируете?

— Измеряю.

— А зачем?

— Хочу узнать, что над девятым этажом.

Он подумал.

— Там тётя Таня живёт.

Ася опустила дальномер.

— Откуда ты знаешь?

— Мы ей пирожки носим. Мама говорит, не надо чужим рассказывать. Но вы же не чужая, вы с техникой.

Мальчик ушёл раньше, чем она успела спросить имя. Ася посмотрела ему вслед. Ребёнок ещё не знал, что такое официальный адрес. Для него человек существовал, если ему можно было передать пирожок. Возможно, эта система учёта была человечнее всех реестров.

На фасаде она обнаружила вертикальную полосу из кирпича другого оттенка. По ней когда-то шла старая лестничная шахта или технологическая выгородка. Полосу почти закрывала новая облицовка, но в отражении зимнего солнца границы читались отчётливо. Ася сделала несколько кадров с масштабными ориентирами. Эти промеры позволяли сопоставить внешние габариты с планом и наметить места для проверки, но не право кого-либо там проживать.

У входа её встретил директор подрядной фирмы, через которую управляющая компания заказала обследование. Он держал телефон и говорил, не поздоровавшись:

— Ветрова, я просил пока не распространять информацию.

— Я не распространяю. Я измеряю.

— Меня уже три человека спросили, почему надстройка незаконная.

— Я такого не говорила. Кто им сказал?

Мужчина оглянулся, словно слово «незаконная» само могло привлечь лишних свидетелей.

— Слушайте, у нас долгосрочный контракт. Не превращайте его в уголовное дело.

Ася сняла перчатку и показала распечатку договора.

— У меня нет полномочий превращать что-либо в уголовное дело. У меня есть обязанность сообщать об опасных конструкциях и давать точные результаты. Хотите изменить задание — оформите письменно.

Директор несколько секунд смотрел на неё, потом ушёл к машине. Она надеялась на этом закончить разговор, но на телефоне появилась фотография, отправленная с незнакомого номера: её собственная машина во дворе дома, Лизин шарф на заднем сиденье, дата сегодняшняя. Ася почувствовала, как злость проходит сквозь страх, как электрический разряд. Кто-то не просто наблюдал за обследованием — пытался обозначить границу, за которой у неё начиналась семья.

На обратном пути она заехала в школу. Дочь встретила её возле кабинета труда и спросила, зачем мать приехала посреди дня.

— Хотела увидеть тебя.

— А мне надо на репетицию. Ты вовремя, как обычно.

Они посмеялись, хотя Ася понимала, что шутка вышла горькой. Она объяснила Лизе, что незнакомым людям нельзя сообщать адрес и что с охраной школы поговорят взрослые. Дочь выслушала и спросила:

— Ты что-нибудь натворила?

— Нет. Но кто-то хочет, чтобы я перестала делать свою работу.

— И ты перестанешь?

Ася могла сказать «никогда», как говорила всегда. Вместо этого ответила:

— Я сначала пойму, какой риск для тебя. Потом решу. Не одна.

Лиза взглянула на неё удивлённо и ушла на репетицию. Ася осталась в школьном коридоре, слушая неуверенные первые ноты детского ансамбля. Первый раз в жизни техническое обследование вынуждало её не показывать храбрость, а искать помощи.

Глава 2. Несчастный случай

Шахов погиб за шесть дней до приезда Аси. Управляющая компания упомянула об этом не сразу — Ася прочитала фамилию в перечне прежних обследований и сама спросила, где инженер.

— Упал, — ответил директор конторы. — Крыша скользкая.

— В феврале на любой крыше скользко. Зачем он туда полез без допуска?

— Был упрямый.

В полицейском коридоре пахло растворимым кофе и мокрой шерстью. Олег Нефёдов попросил Асю подождать, но она увидела на его столе распечатку фотографии Тимура Шахова. На снимке тот стоял возле чердачного люка, прикрыв глаза от солнца ладонью. Рядом был складной метр, привязанный к запястью шнуром. Точно такой же — со следами красной краски — Ася когда-то подарила своему первому наставнику.

— Вы знали его лично? — спросил Нефёдов, появившись в дверях.

— Нет. Только по работе. Он подписывал обследования соседних домов.

— Тогда почему пришли?

— Потому что смерть специалиста на крыше меняет условия моей работы. Я не хочу узнать после подъёма, что там висит оборванное ограждение, о котором все молчали.

Следователь положил перед ней схему. На ней был обозначен предполагаемый путь Шахова от лестницы к парапету. Линия обходила небольшой квадрат, названный «неэксплуатируемая кладовая».

— Почему обошёл? — спросила Ася.

— Не доказано, что заходил туда.

— А зачем вообще вышел на крышу, если промеры можно снять с технического уровня?

— Возможно, искал другое место.

— Вы считаете его смерть несчастным случаем?

Нефёдов не стал отвечать привычной формулой. Наклонился к схеме и постучал карандашом по квадрату.

— Я считаю, что нам не хватает одного помещения.

Они договорились, что Ася не станет производить самостоятельные действия на месте происшествия, но предоставит расчёт доступных маршрутов и технический анализ чертежей. Взамен Нефёдов обещал сообщать факты, необходимые для безопасного обследования, без раскрытия материалов следствия. Это был осторожный союз, и ни один из них не выглядел довольным.

Ася нашла его сестру Веру Шахову в небольшой мастерской по ремонту обуви. Женщина не доверяла незнакомым, но пустила её, увидев фотографии документов. Брат перед смертью позвонил ей и попросил оставить запасной ключ у соседей. Он говорил быстро, почти весело: «Кажется, нашёл людей, которых считают стеной».

Вера достала пластиковую папку. Внутри лежали копии планов, записка и снимок свежей краски на стене. На снимке в нижнем углу было видно отражение мужчины в стекле пожарного шкафа. Он держал складную папку.

Вера разрешила посмотреть фотографии инструментов брата. На верстаке лежали подошвы, у двери сохли детские ботинки, между двумя рабочими лампами стояла фотография Тимура. На ней он не улыбался, зато держал за руку маленькую девочку в красной куртке.

— Дочь? — спросила Ася.

— Племянница. Моя. Того года, когда он только устроился инженером. Она считала, что он чинит целые дома, как другие чинят ботинки.

Вера достала свой телефон. Последняя присланная братом фотография показывала не крышу, а узкий коридор с железной дверью. В нижнем углу отражался свет: кто-то шёл сзади. Лицо не было видно, но на полу тянулась длинная тень от предмета в руке. Ася не стала увеличивать изображение до бессмысленной россыпи пикселей.

— Он отправлял вам ещё что-нибудь?

— Голосовое. Я не смогла дослушать. Он нервничал. Не боялся — злился. Послушайте сами.

Прежде чем включить запись, Вера открыла ещё один снимок: складная нивелирная рейка, на одном колене — старая царапина, у рукоятки — синяя лента.

— Рейку не нашли, — сказала Ася.

— А зачем она вам? Он с ней работал, а не защищался.

— Передайте и эту фотографию Нефёдову. Он проверит, относится ли она к отсутствующему инструменту.

Вера долго смотрела на неё.

— Вы думаете, его убили?

— Я думаю, что нужно проверить всё. И не позволять людям заранее писать за него последнюю минуту.

Вера отвернулась. Рядом с инструментом в альбоме был снят раскрытый рабочий блокнот. На странице под замерами Тимур написал: «Не подписывать акт, пока не проверены люди за стеной».

Тимур говорил, что хозяин ключей в доме один и что этот хозяин не желает понимать разницу между несущей стеной и чужой биографией. На фоне хлопнула дверь, кто-то произнёс: «Покажи акт». Дальше запись обрывалась.

Ася попросила переслать исходный файл следователю, а не ей. Вера впервые за разговор посмотрела прямо на неё:

— Вы пришли доказать, что Тимур был прав?

— Нет. Я пришла проверить то, что он не успел.

— Вроде одно и то же.

— Не всегда. Иногда человек прав в главном и ошибается в последнем шаге.

Ася вернулась к снимку свежей краски, где в стекле пожарного шкафа отражался мужчина со складной папкой.

— Кто это?

— Соседи называли его Павлом Ивановичем. После смерти Тимура дважды приходил сюда. Спрашивал о его телефоне.

Вера не рыдала. Она терпеливо подшивала подошву на маленьком станке, потом вдруг остановилась и сказала:

— Мы в детстве спали в одной комнате. Если Тимур боялся, он ночью включал свет и делал вид, что читает. В последний раз свет у него горел трое суток. Так что не рассказывайте мне про случайную прогулку по крыше.

Вера отставила станок. Сказала, что Тимур любил лестницы: в детстве боялся лифта и считал ступеньки. Потом подала Асе бумажный пакет. Там лежал его карандаш, сломанный пополам, и запасной метр. На металлической ленте сохранилась отметка красным маркером: «от плиты до карниза». Вера не понимала, зачем это нужно. Ася понимала. По этой высоте можно было проверить, существовала ли надстройка до недавнего ремонта, не заглядывая за дверь.

Ася вышла с копиями и неприятным чувством, что дом уже забрал одного инженера. На обратной дороге ей пришло сообщение с неизвестного номера: «Вашей дочери тринадцать. Ей тоже нужен адрес». Возле подъезда собственного дома Ася увидела незнакомую машину. Она не стала проверять, кто внутри, а сразу позвонила дочери и попросила закрыть дверь.

Глава 3. Комната без номера

В дом № 14 приехали двое сотрудников жилищного надзора и представитель собственников. Ася настояла, чтобы проход открывали в присутствии людей, которые смогут зафиксировать устройство здания. Рабочий снял декоративную панель. За ней обнаружилась старая стальная дверь с двумя разными замками и непривычно низкой ручкой.

На двери мелом было написано: «Холодный чердак. Не входить».

Ася провела щупом по уплотнителю. Из-под него тянуло тёплым воздухом и запахом варёной картошки. Внутри тихо передвинули мебель. Представитель управляющей компании — тот самый Ракитин — подошёл в тот момент, когда мастер собирался снять первый замок.

— У вас нет права ломать имущество жильцов, — произнёс он.

— Чьё именно? — спросила Ася.

— Люди там живут. Они старые, больные. Вы хотите выставить их на мороз?

На лестнице собирались жильцы. Одни требовали немедленно открыть дверь: из-за неё слышались звуки и тянуло горячим воздухом. Другие кричали, что трогать ничего нельзя, иначе рухнет весь дом. Представитель собственников пытался пересчитать присутствующих, но всякий раз сбивался, когда кто-то поднимался с восьмого этажа.

— Вы называете помещение чердаком, — сказала Ася Ракитину. — Тогда почему у чердака две двери и внутренний звонок?

— Потому что люди приспосабливаются. Посмотрите вокруг, все так делают.

— Не все замуровывают выход.

Он посмотрел на неё с изумлением человека, которому впервые возразили при посторонних. Старушка за перегородкой негромко постучала. Один раз, потом два. Адвокат муниципального центра помощи Мария Снегирёва, которую Ася вызвала заранее, представилась и предложила разговаривать через дверь без записи. Женщина спросила, не отберут ли внучку.

— Мы не вправе обещать всего, — ответила Мария, — но вы можете не открывать и всё равно получить помощь.

Ракитин вмешался:

— Они не понимают, что делают. Потом вас поселят в барак, а документы признают недействительными.

— Павел Иванович, — произнесла Ася, — либо отойдите от двери, либо я попрошу вас отвести.

За дверью зашуршало, затем опустилась небольшая планка у самого пола. Из щели показался сложенный листок. Захар хотел поднять его сразу; Ася удержала его за локоть, дождалась, пока уполномоченный сотрудник зафиксирует положение находки. На листке было написано: «У меня температура. Бабушке тяжело ходить. Не оставляйте нас одних».

Мария сразу вызвала врача и сообщила в экстренную службу о возможной блокировке прохода. Пока помощь ехала, с жильцами оставались на связи. Женщина из квартиры № 91 принесла старую связку: один ключ подошёл к наружному замку. После короткого разговора бабушка разрешила открыть дверь и впустила врача с внучкой. Ася проверила проём; главный выход оставили свободным, а наружную накладку, позволявшую запирать людей, сняли. В комнаты комиссия без согласия не пошла. Когда ключи предложили Ракитину, тот не взял их.

Изнутри донёсся короткий сухой кашель. Ракитин начал что-то объяснять, но врач попросил его не мешать.

Ася остановила дальнейший разбор перегородки. Пока врач был внутри, она попросила управляющую компанию оставить на площадке дежурного.

— Выход должен оставаться открытым. Никого силой не выселяют, — сказала она.

Из-за двери ответили:

— Нам некуда.

Ракитин улыбнулся, будто выиграл. Мария договорилась о безопасном разговоре с жильцами. Когда врач ушёл, из дверной щели показался свежий ключ с приклеенным клочком бумаги: «Ночью. Не приводите Павла». Ася передала его Марии при Захаре.

* * *

Накануне обхода внутри скрытых комнат было тепло и тесно. Варя знала расстояние от кухонного стола до входа точнее любого строителя: пять шагов, если не задевать шкаф, и шесть — если в руках горячая кастрюля. Её бабушка говорила, что это настоящий дом, потому что здесь каждый сантиметр кому-нибудь нужен. Варя не спорила. Но всё чаще думала, что настоящий дом не должен требовать разрешения выйти.

Вечером мальчик с пятого этажа принёс контейнер с едой. Варя открыла нижний лючок. За дверью он поздоровался с ней шёпотом, словно доставлял запрещённый груз. Она улыбнулась и забрала пакет. Потом услышала, как он спросил мать, почему нельзя зайти к тёте Тане. Мать ответила: «Потому что Павел Иванович не разрешает».

Татьяна сидела возле батареи, положив на колени старую тетрадь. Слова в ней были выведены чужим, слишком старательным почерком. Когда Варя вошла, бабушка закрыла страницу ладонью.

— Тебе уроки делать.

— Я закончила.

— Тогда пойди пройдись.

Варя рассмеялась.

— Куда?

Татьяна не улыбнулась. За дверью послышались шаги. Варя сразу убрала контейнер под стол: Ракитин не любил, когда жильцы принимали помощь без него. Он считал, что тогда люди перестают понимать, кому обязаны.

Павел Иванович вошёл, не постучав. Принёс пакет с лекарствами и короткий список сумм, которые нужно было заплатить до конца месяца. Варя попыталась взять пакет, но он задержал руку.

— Сначала расписка.

Татьяна потянулась за очками.

— Я вчера писала.

— Вчера за комнату. Сегодня за доставку.

Варя увидела на листе новую строку: «переоформление личного дела». Вопрос о таком деле она задавала уже много раз и ни разу не получала копии. Павел всегда говорил, что документы находятся там, где они в безопасности.

— А кто решает, в безопасности ли наши документы? — спросила девочка.

Ракитин посмотрел на неё почти ласково.

— Я их вам сделал, Варвара. Без меня тебя бы в школе не приняли.

— Может, поэтому вы и не хотите показать оригиналы.

Татьяна резко ударила ладонью по столу. Не от злости на внучку — от страха. Варя замолчала. Павел положил лекарства рядом с листом и ушёл, оставив дверь открытой ровно настолько, чтобы женщина сама её заперла. В этой мелочи и заключалась его власть: людям казалось, что они делают всё добровольно.

После ухода Ракитина Варя нашла в старом шкафу коробку с кассетами. На крышках были имена, которых она никогда не слышала. Одни зачёркнуты, другие переписаны поверх. На одной стояла фамилия бабушки. Варя включила дешёвый магнитофон. Из динамика раздался её собственный детский голос: «Меня зовут Варвара Ракитина». Она была уверена, что в семь лет так не говорила. На другой стороне кассеты взрослая женщина объясняла, как отве-

чать комиссии, если спросят о месте рождения. Женщина повторяла одну и ту же фразу, пока голос не стал хриплым.

Варя выключила аппарат. В соседней комнате Татьяна кашляла. Она долго смотрела на кассету, затем спрятала её обратно. Не потому, что поверила Ракитину. Потому что не знала, куда идти с вещью, которая могла разрушить жизнь бабушки и в то же время объяснить её собственную.

Утром у стены появились посторонние. Варя слышала, как они говорят о конструкциях, несущих элементах и пожарной безопасности. Среди голосов выделялся женский — резкий, иногда раздражённый. Девочка подошла к двери и осторожно приложила ладонь к краске. За стеной женщина спросила, есть ли там люди. Варя хотела ответить, но вспомнила бабушкины слова: не называйте фамилии. Тогда она сказала просто:

— Мы здесь. Только не ломайте дверь, пока не скажете, что будет потом.

Глава 4. Девочка с другой фамилией

Лиза впервые за месяц сама попросила Асю о помощи. Нужно было построить макет дома для школьной выставки. Мать приехала домой с рулонами чертежей, уверенная, что справится за полчаса. На кухне её ждали картон, ножницы, клей и уже почти собранная крыша.

— Не трогай, — предупредила Лиза.

Ася остановила руку.

— Я только посмотреть.

— Ты всегда только посмотришь, а потом делаешь как правильно.

Макет изображал дом, в котором над девятым этажом был маленький сад. Лиза предусмотрела в нём лестницу, пандус, место для колясок. Ася сразу заметила, что такая конструкция потребует дополнительных опор, но не произнесла этого. Вместо этого спросила, кто будет жить в саду.

— Никто. Сад для всех, — ответила Лиза.

Ася присела на корточки рядом с дочерью. Та не ожидала вопроса и смягчилась. Показала бумажную лавочку, маленькую дорожку, два дерева из скрученной проволоки. На крыше было написано «можно войти». Асе захотелось запомнить именно эти слова.

Телефон зазвонил в тот момент, когда они приклеивали дорожку. На экране был Захар. Ася отключила вызов. Через минуту он позвонил снова.

— У нас на девятом дверь заклинило, — сказал он. — Оттуда просили открыть. Я не знаю, кому звонить.

Ася посмотрела на Лизу.

— Скорая нужна?

— Пока не знаю. Тётка кашляет, говорит, что воздуха мало.

— Звони в экстренную службу, сообщи адрес и точное место. Я еду. Оставайся на связи с жильцами и выполняй указания спасателей.

Лиза молча положила кисточку.

— Ты обещала сегодня не уезжать.

Ася закрыла глаза. В эту минуту никакой правильный ответ не мог не причинить боль. Она сказала только, что человеку могло стать плохо, и попросила дочь выбрать, кого из взрослых позвать к себе. Лиза кивнула, но не посмотрела на мать.

На площадке уже были спасатели и врач. Заклинивший замок открыли; Захар придерживал дверь. Пожилая женщина говорила, что не хочет в больницу и боится Павла. Мария приехала следом. Женщина согласилась на повторный осмотр, если рядом останется внучка. Врач позвал девушку по имени Варя. Именно так Ася впервые услышала это имя.

Варя появилась из тёмного коридора в чужой куртке. На вид ей было шестнадцать, но держалась она как человек, отвечающий за всю небольшую общину. Подвела врача к старушке, не отступая от него ни на шаг. Ася увидела, что у девочки дрожат пальцы, хотя голос остаётся ровным.

— Вы потом уйдёте? — спросила Варя Асю.

— Да. Но вернусь, если понадобится.

— А Павлу скажете?

— Скажу только то, что должна сообщить о безопасности здания.

Варя не выглядела успокоенной. Она посмотрела на Ладин адрес, который Ася держала в папке, и узнала фамилию одной из переселенок. На секунду её лицо изменилось, словно она увидела свой собственный школьный аттестат под другим именем. Врач уже просил принести воду. Варя пошла за стаканом и на ходу сказала:

— Если хотите знать, кто здесь живёт, лучше спросите, кому выгодно, чтобы нас здесь не было.

В половине второго ночи, когда врач закончил осмотр, Варя пригласила Асю, Захара и Марию пройти дальше. На девушке была вязаная шапка; тапочки она оставила у бабушкиной кровати и теперь стояла на холодном полу босиком.

— Вы будете записывать, кто здесь живёт? — спросила она.

— Только с вашего согласия, — ответила Мария.

— Тогда не записывайте моё отчество.

За её спиной открывался узкий коридор. Потолок был низким, вдоль стены шёл отопительный трубопровод, а окна выходили над крышу на замёрзшую Волгу. Это был не полноценный десятый этаж, а заглублённая внутрь фасада надстройка, невидимая с улицы из-за высокого парапета. Три комнаты и общая кухня занимали пространство между старыми машинными отделениями.

Варя не могла объяснить, почему живёт там без регистрации. Её мать умерла, когда ей было четыре. Павел Иванович приносил продукты, лекарства и письма из школы. В обмен требовал, чтобы она никогда не называла посторонним настоящего имени бабушки.

— А какое настоящее имя у бабушки? — спросила Мария.

Девушка только покачала головой.

Варя сначала показала кухню. Плитка была протёрта до матовой белизны; на плите стояла кастрюля с крышкой, по краям которой собрался пар. У окна сушились детские варежки, слишком маленькие для нынешних жильцов. Под потолком висела лампочка без плафона. В узком проходе приходилось идти боком, иначе плечо задевало старый трубопровод.

— Бабушка говорит, не надо смотреть на стены, — объяснила Варя. — Смотрите на людей.

— Я сейчас смотрю на путь выхода, — ответила Ася. — Если здесь начнётся пожар, куда побежишь?

Девушка уверенно показала на дальнюю дверь. Ася подошла к ней. На ручке висела цепь, на косяке стоял замок, запираемый снаружи. Внизу в щель тянуло холодным дымом из вентиляции.

— Кто держит ключ?

— Павел Иванович. Он говорит, пожарная лестница опасная и детям там нечего делать.

Ася сфотографировала замок и сразу сообщила о нём спасателям, остававшимся на площадке. До проверки и открытия запасного прохода они оставили дежурного у основного выхода. В этот момент из дальней комнаты раздалось:

— Не запугивайте девочку.

Татьяна сидела с прямой спиной, хотя дышала тяжело. Она не спросила, кто пришёл: Варя уже предупредила её. Вместо этого потребовала убрать телефон. Ася послушалась, оставив снимки только технических элементов.

— Вот видите? — сказала пожилая женщина. — Даже у добрых людей камера всегда раньше рук.

Мария предложила наутро ещё раз связаться с врачом. Татьяна отказалась. Тогда Варя положила ладонь ей на запястье и сказала так тихо, что Ася едва разобрала:

— Пожалуйста. Только не из-за Павла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.